

ЕЩЕ РАЗ О КОНКУРСЕ НА КАФЕДРУ КРАСНОРЕЧИЯ И ПОЭЗИИ В СТАРОМ ВИЛЬНЮССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1809—1811)

А. КАУПУЖ

Принято считать, что после перехода Ф. Н. Голянского на кафедру церковного красноречия (1803 г.) и по прекращении лекций адъюнкта С. Баковского (1805 г.), который проводил занятия в качестве временного заместителя, в старом Вильнюсском университете вплоть до приезда новоизбранного профессора Э. Словацкого (1811 г.) польская литература и польский язык не преподавались. Начало подыскивания достойного кандидата на кафедру красноречия и поэзии обычно связывают с именем ректора Я. Снядецкого, а рассматривая перипетии конкурса, который продолжался два года (1809—1811 гг.), авторы исследований говорят лишь об одной присланной конкурсной работе — сочинении Э. Словацкого [26, стр. 713; 34, стр. 101].

Архивные материалы, относящиеся к деятельности отделения литературы и изящных искусств, позволяют внести некоторые поправки в эти, в общих чертах верные, представления историков университета, а именно: 1) уже предшественник Я. Снядецкого ректор И. Стройновский стремился найти кандидата на кафедру красноречия и поэзии; после ухода С. Баковского лекции прекратились, однако нельзя говорить о полной ликвидации занятий по польской литературе и польскому языку; 2) кроме Э. Словацкого, в конкурсе пытались принимать участие, по-видимому, еще три кандидата.

В начале существования реформированного университета (1803 г.) ректор Стройновский пытался уговорить известного писателя-классика Ф. К. Дмоховского принять предложение занять профессорскую кафедру. Дмоховский после долгих колебаний предложения не принял, не желая, вероятно, уезжать из Варшавы [15-а].

С 1805 по 1811 год, хотя регулярных лекций по польской литературе и не было, однако проводились экзамены, конкурсы студенческих работ, писавшихся «на награду», а также экзамены «на награду». Перейдя на кафедру церковного красноречия, Ф. Н. Голянский частично все же выполнял обязанности и профессора польской литературы. В 1806 году отделение литературы и изящных искусств приняло постановление о правилах признания степени магистра философии. Как ска-

зано в протоколе заседания, было решено, что каждый претендент на степень магистра должен сдать экзамен по древней и отечественной литературе („Z literatury dawnej i krajowej“ [13, л. 5]).

С октября 1806 г. протоколы отделения регистрируют ряд таких экзаменов¹.

В марте 1807 г. был принят план четырехлетнего университетского обучения, в котором было предусмотрено преподавание польской литературы на втором и третьем курсе [13, л. 8—8-об.]².

В апреле 1807 г. было решено, что студенты, приступающие к магистерским экзаменам, должны представить письменную работу; кроме того, практиковались еще сочинения для получения награды [13, л. 2]. Некоторые из таких сочинений были посвящены польской литературе. Например, в июне 1808 г. С. Жуковский представил работу, посвященную трем польским поэтам: Яну, Петру и Андрею Кохановским [14, л. 13], Л. Керсновский (тоже в 1808 г.) писал о сочинениях П. Скарги и С. Ожеховского [14, л. 13-об.]. Проф. Голянский, вероятно, не только принимал экзамены и оценивал работы, что отражено в протоколах отделения, но и помогал писавшим в процессе их работы.

История конкурса 1809—1811 годов Ю. Белинским освещена недостаточно подробно. Историк университета не знал некоторых архивных дел. Так, например, в 1811 г. в адрес министерства просвещения из университета был направлен отчет о конкурсе, в котором утверждается, что ни одна из присланных работ не отвечает требованиям и поэтому срок конкурса продлен [10, л. 19]. Такая формулировка говорит о том, что у Э. Словацкого были конкуренты и что конкурсные работы были присланы и иными претендентами на профессорскую кафедру. И действительно, в отделе рукописей Вильнюсского университета сохранилась папка с документами [3], относящимися к конкурсу 1809—1811 гг. Два письма, адресованных университету, и одна характеристика свидетельствуют о том, что, кроме Э. Словацкого, свои сочинения на конкурс прислали еще два автора несомненно, а третий предположительно. (Характеристика, по всей видимости, была написана в связи с конкурсом, т. к. его программа предусматривала представление отзывов о кандидатах.)

Указанные письма и характеристика могут заинтересовать не только с точки зрения истории конкурса. Эти документы содержат дополнительные сведения о лицах, сыгравших известную роль в истории польской культуры: об отце друзей Юлия Словацкого, Стефана и Александра Голыньских, Винцентии Голыньском и об очень плодовитом, но бесталанном поэте, писателе, переводчике И. Я. Быковском.

¹ Экзамен по польской литературе и красноречию сдавали: Златовский (1806 г.), Витаковский, Жуковский, Бобровский (1807 г.) [13, л. 5-об., 7-об., 9-об., 10, 38-об.].

² Текст этой программы опубликовал А. Шантыр [39, стр. 111, сноска 2].

Исследователи творчества Ю. Словацкого, описывая его путешествие на Восток, вспоминают о братьях Стефане и Александре Голынских, которым поэт посвятил два своих произведения: Стефану — «Ангелли», а Александру — стихотворение «К А. Г.».

Свое восточное путешествие Ю. Словацкий совершил в 1836—1837 годах. В конце октября 1836 г. он прибыл в Александрию и отправился по Нилу в сторону Каира. В это же время по Египту путешествовали братья Александр и Стефан Голынские. Пути братьев и Словацкого то сходились, то расходились. Одной из разлук Ю. Словацкого с Александром польская литература обязана классическим стихотворным посланием «List do Aleksandra H.» (опубликованным впервые в 16-ом номере познанского журнала «Tygodnik Literacki» от 15 июля 1839 года). Судя по посланию, это совместное путешествие очень сблизило двадцатисемилетнего поэта и двадцатилетнего Александра.

„A twój brak mi serce w podróży oziębiał,

Zem przedsięwziął do siebie pisac przez gołębia“, — писал поэт. Одиноко чувствовал себя Словацкий на Ниле — ведь он мечтал о совместном путешествии, беседах и спорах:

*Я когда-то мечтал, что с тобою на Ниле
Мы скрестим кораблей лебединые крылья,
Чтоб вдвоем посещать древних мумий могилы,
Вместе очи свои погружать в воды Нила,
И, как прежде, наш спор загорится, как сера,
О Христе, что с креста снят рукою Вольтера.
Но напрасно ищущ тебя, жду поминутно,
Убегаешь ты вдаль, словно ветер попутный,
В одиночестве сердце печальное стынет.
Буду с голубем слать тебе письма отныне.*

(Перевод М. Павловой)

10 декабря Словацкий снова встретился с братьями в Каире, а в апреле 1837 года в Бейруте встретил лишь старшего брата Стефана Голынского, которого горячо полюбил за время недолгих встреч во время путешествия и совместного пребывания в течение нескольких недель в Бейруте. Благодаря этому имя Стефана Голынского вошло в историю польской литературы: посвящение к поэме «Anhelli» гласит: „Stefanowi H. na pamiątkę spotkania się w Ziemi Świętej i pod górami Libanu“.

Данные о семье Голынских очень скупы. Имеются статьи в «Польском биографическом словаре» [35, стр. 603] и написанная С. Цывинским в журнале «Ruch Literacki» краткая информация о происхождении друзей Словацкого Голынских [27, стр. 319]. В биографическом

словаре в статье с Стефана упоминается, что его отцом был полковник русской армии и сенатор Винцентий Голынский.

Копия характеристики Винцентия Голынского, которая находится среди конкурсных бумаг и которая, по всей вероятности, связана с конкурсом на кафедру красноречия и поэзии, значительно пополняет наши сведения о жизни и литературных трудах отца друзей Ю. Словацкого. Приведем эту характеристику:

Свидетельство.

Дано сие Белорусско-Могилевской губернии г-ну губернскому маршалу, российской службы полковнику и кавалеру Викентию Ивановичу Голынскому в том, что он, г-н Голынский, обучался прежде в собственном своем доме разным иностранным языкам, вступил потом в 1781 г. в состоящий в городе Мстиславе иезуитский институт³ и в оном с отличием противу всех его сверстников продолжал по 1787 год следующий курс наук: 1-е под профессором ксендзом Ластовским латинского языка и познания грамматических правил, 2-е под профессором ксендзом Калясундом Бжозовским истории, географии и статистики, 3-е под профессором ксендзом Новаком итальянского языка, 4-е под профессором ксендзом Козловским риторики и этики, 5-е под профессором ксендзом Гатовским поэзии, 6-е под профессором ксендзом Ключинским алгебры, логарифмов, геометрии, архитектуры военной и математики и, наконец, 7-е под профессором ксендзом Эстко⁴ философии, как то логики и метафизики, и все сии науки с совершенным успехом и для приобретения знания. В прочих, как то в государственной экономии, прав римских и частных гражданских законов уголовных и других наук, находился он в академии, состоящей в Лейпциге, и так поелику сию трудолюбивую и отличною прилежностью ко всем вышеупомянутым наукам, а также и попечение профессоров, преподававших ему лекции, ознаменовал и оправдал на опыте он, г-н губернский маршал полковник и кавалер Голынский, разными своими изданиями в свет сочинениями, а именно переводом из французского на польский язык истории китайской, японской и древней персид-

³ После 1690 г. в Мстиславе была организована резиденция иезуитов, после 1779 г. резиденция была преобразована в коллегию с пятиклассной гимназией [43, стр. 234, 268].

⁴ В работе Заленского из всех перечисленных лиц упомянут лишь профессор общественно-исторических наук Казимир Эстко. Многочисленные ответвления семьи Голынских в Могилевской губернии оказывали финансовую поддержку резиденции и коллегии. Так, Заленский регистрирует, что Михаил Голынский подарил участок земли, Кристина Голынская-Гуркова — две деревни, Яков Голынский — 10 000 злотых. Известной покровительницей коллегии была Петронеля Журавская-Голынская, умершая в Пинске в 1789 г. (возможно, что это была мать Викентия) [42, т. V, часть I, стр. 371, 323, т. IV, часть IV, стр. 1748].

ской⁵, изданием книги под заглавием «Упражнение деревенское»⁶, заключающей разные полезные переводы и его собственные сочинения и, наконец, описанием на французском языке жизни князя Потемкина Таврического и собственного его путешествия в Италии и немецких землях⁷, того ради я о всем вышеизложенном с удовольствием и особенно признательностью свидетельствуя, утверждаю собственноручным моим подписанием и приложением печати.

СПетербург 1809 года, ноября 20 дня. СПетербургского иезуитско-го благородного института и католической церкви ректор патер Андрей Чиж⁸.

С подлинным верно Станислав Родзевич.

Винцентий Голынский, вероятно, в течение многих лет был связан со старым Вильнюсским университетом. Членами «Виленского общества наук и искусств» были преимущественно профессора и студенты университета, но устав предусматривал еще и так наз. «почетных членов» общества и «корреспондентов», поэтому Голынский мог присылать свои сочинения из Могилева [30, стр. 24, 168—169]. Большинство работ, помещавшихся в органе «Общества наук и искусств» — «Виленском еженедельнике», были анонимными [36, стр. 13], отсюда можно предполагать, что автором некоторых из них был и В. Голынский. Ю. Белинский упоминает еще один факт из жизни Голынского, связанный с университетом: на заседании совета университета 15 мая 1820 г. ректор сообщил собравшимся о том, что советник Винцентий Голынский подарил 100 экземпляров изданного им учебника географии [26, стр. 810].

* * *

В папке с конкурсными делами сохранилось также письмо некоего Быковского. Сравнение почерка автора этого письма с почерком Игнатия Яксы Быковского [33, стр. 480] позволяет утверждать, что в университет писал и высылал на конкурс свою работу именно этот автор. Кроме того, в письме он ссылается на Карпинского, на «Ежегодники Варшавского общества друзей наук». В исследовании о И. Я. Быковском Т. Микульский приводит факты его обращений к Карпинскому и к членам этого общества [33, стр. 480]. Можно предположить, что

⁵ Эту книгу зарегистрировал Эстрейхер [28, стр. 253].

⁶ Нам не удалось установить точного названия указанной книги. Возможно, что в нее вошли произведения, читанные В. Голынским на заседании «Виленского общества наук и искусств» в 1806 г., а также его переводы (поэма «Великий Собесский», стихотворение «Селянка», отрывок из польского перевода трагедии Вольтера «Катилина» [30, стр. 170]).

⁷ Эту библиографическую позицию установить не удалось. Возможно, что перевод Голынского был основан на изданной в Париже в 1808 г. биографии Потемкина — „Vie du prince Potemkin“.

⁸ Андрей Чиж был ректором вплоть до изгнания иезуитов из столицы империи в 1815 году [43, стр. 271].

конкурсное сочинение Быковский написал на основе своего сочинения «О вкусе», о котором он упоминает в письме к А. Чарторьскому [33, стр. 514]. В своем письме в университет Быковский пишет, что уже после первого объявления о конкурсе он «набросал свои мысли на бумаге», однако в университет не выслал. Когда же прочел вторичное объявление о конкурсе, решил выслать и свое сочинение. Быковский наивно убежден, что, кроме Карпинского, никто из поляков на тему о красноречии не писал⁹ (из классиков он, правда, упоминает Цицерона). Быковский не скрывает своего имени, хотя правила конкурса требовали присылки работ под условным девизом. Объяснил он это тем, что никто «не должен стыдиться» своих «способностей и таланта». Правда, возможности свои он оценивает весьма скромно и пишет, что направил в университет свое сочинение, т. к. считает, что лучше быть хотя бы очень мало полезным, чем вовсе ничего не делать. Письмо датировано 24 октября 1810 года и выслано из деревни Слепянка, расположенной в Белоруссии¹⁰.

И. Я. Быковский родился в 1750 году недалеко от Минска, учился в Минской иезуитской школе, а с 1765 года в школе ордена пиаров в Витебске. В 1770 году был в отрядах Барской конфедерации, затем с 1772 года в русском пехотном полку и принимал участие в турецкой войне. С 1778 года жил у своего брата, служившего у Чарторьских. В 1803—1806 годах безрезультатно пытался заинтересовать своим творчеством «Варшавское общество друзей наук».

Быковский присылал в университет конкурсную работу и сочинения также и во время второго конкурса на кафедру, когда она вновь стала вакантной в связи со смертью Э. Словацкого в 1814 г. Университет получил от него следующие рукописи, которые теперь хранятся в Музее им. Чарторьских в Кракове: 1) о поэзии, 2) светлейшему Александру Первому, 3) о пользе истории, 4) о гармонии голоса в соединении с музыкой, 5) сила золота, 6) ода в честь Александра Первого¹¹.

В сопроводительном письме Быковский пишет о своем страхе перед возможной критикой его сочинений, надеясь, правда, что найдется

⁹ О Быковском см. также в изданиях: Nowy Korbut, t. IV, Warszawa, 1966, s. 335; Polski Słownik Biograficzny, t. III, cz. 2, Kraków, 1937, s. 162—163.

Быковский не знал наиболее известных в то время трудов. Для сравнения укажем, что Э. Словацкий в своей работе ссылался не только на польских авторов, но и на Баумгартена, Эшенбурга, Эберхарда, был широко начитан в литературе и эстетике. Проф. Гроддек, так остро критиковавший конкурсное сочинение Э. Словацкого, не учел, очевидно, всех его достоинств в сопоставлении с другими присланными работами.

¹⁰ Slepianka — wieś pow. Mińskiego o 2 w. na wschód od Mińska, [37, т. 10, стр. 760].

¹¹ „O poezji“, „Do Najjaśniejszego Alexandra pierwszego“, „O użytku historii“, „Rozprawa czwarta o harmonii głosu wokalnego, połączonego z muzyką“, „Rozprawa szоста — moc i skutki złota“, „Oda na powrót Najjaśniejszego Alexandra I [...] do ziem Sarmatów po odniesionym zwycięstwie roku 1815“ [17-a].

и защитник. Ссылается даже на страшный сон. Письмо кончается жалобой на совершенное отсутствие средств к существованию. На сей раз он уже не подписался своей фамилией, а только поставил девиз: «Ученик Аполлона». Письмо было написано в январе 1816 года. Принадлежность указанного письма и рукописей И. Я. Быковскому устанавливается на основании документов из ЦГИА Лит. ССР [7, л. 47].

Университетская конкурсная комиссия не могла, конечно, серьезно отнестись к письму и сочинениям чудака-графомана (произведения его, хранящиеся в архиве Чарторьских, не имеют литературной ценности, и вся папка интересна только с точки зрения пополнения библиографических сведений о сочинениях столь плодовитого автора, которые не зарегистрированы ни Т. Микульским, ни «Новым Корбутом»). Университет Быковскому ничего не ответил. Тогда он вновь, в 1820 г., выслал в университет свою работу «Rozprawa o wupowie i poezji», подписавшись на сей раз «пустынник среди сонмища», а в Министерство просвещения направил на университет жалобу, и правление университета должно было объяснять министру суть дела ¹².

¹² Приведем ответ канцелярии университета:

№ 3446

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ДУХОВНЫХ ДЕЛ
И НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Копия

Правление университета
августа 23 дня 1820 года
за № 2562

«Во исполнение предписания
Вашего сиятельства от 7 сего о
доставлении мнения на приложенное
прошение майора польских войск Быковского касательно помещения его в Виленский университет профессором университетское правление имеет честь Вашему сиятельству представить 1-е что по первом обнародовании конкурсной программы в кафедре красноречия и поэзии в 1815 году присланы были рассуждения г. Быковского под именем ученика Аполлинова, которые наравне с прочими признаны за недостаточные, после второго обнародования программы к той же кафедре в 1819 году с сроком по 1-е октября сего года помянутый Быковский опять прислал в университет рукопись на пяти листах под заглавием «Рассуждение о красноречии и поэзии», адресованное из Минска от 19 генваря 1820 года с девизом «пустынник среди сонмища», но как срок к конкурсу определенный не истек, то и мнение университета о рассуждении г. Быковского не могло еще воспоследовать, которое тогда только объявится, когда рассуждение признано будет достаточным, о тех же рассуждениях, которые окажутся несоответствующими общеобнародованной программе, нет обыкновения уведомлять авторов, да и сие есть невозможным, поелику в таком случае билеты при рассуждениях запечатанные, укрывающие имя автора и место его пребывания, не вскрываются. 2-е университетское правление осмеливается Вашему сиятельству почтеннейше донести, что г. Быковский имеет от роду более 50 лет и хотя способен к хорошему писанию на польском языке, но в сочинениях его нет порядка, и вещи бывают различно смешанные без всякой системы, хотя о его последнем рассуждении под девизом «пустынник среди сонмища» мнение по предписанному порядку получено быть еще не могло, которое разве воспоследует после 1-го настоящего октября, однако в том рассуждении помещены и включены вещи, не имеющие связи с программой и вовсе чуждые, ибо на первый взгляд явственно оказывают, что автор не имеет порядка в мыслях, ниже способен к систематическому мышлению, что для профессора есть необходимым» [7, л. 47].

Кроме письма Быковского, в университет пришло еще одно (анонимное) письмо, которое хранится в той же папке в отделе рукописей ВГУ. Неизвестный автор сообщал, что посылает на конкурс написанный стихами трактат об основных правилах польского стихосложения. Он считал, что работа должна свидетельствовать не только о теоретических познаниях автора, но и о его поэтических возможностях. Автор указывал, что намерен писать о том, о чем не написали ни И. Красицкий, ни Дмоховский, ни Горчичевский. Этим он объясняет свое специальное внимание к проблемам художественного перевода. Свою работу считает оригинальной, а ее написание поясняет патриотическими побуждениями („nie przywiązałem się w niej do żadnego wzoru“, „gozum i miłość ojczyzny pisać kazały“).

Затем следует скромное признание, что до сих пор еще ничего в печати не опубликовал и что от настоящего его сочинения, если не будет пользы, то и ущерба не будет („literatura na tym, jeśli nie zyska, to pewnie nie straci“).

Это стихотворное сочинение не сохранилось, установить его автора нам не удалось.

Приведенные выше факты об обращении в университет во время конкурса 1809—1811 гг., кроме Э. Словацкого, еще трех лиц, а во время последующего конкурса, кроме Л. Боровского и А. Левицкого, также и И. Быковского свидетельствуют об интересе к делам университета в широких кругах местной интеллигенции. Эти работы, написанные не профессионалами и справедливо оставленные без внимания во время конкурса, являются показателем того среднего уровня сведений о красноречии и поэтике, который был присущ выпускникам местных учебных заведений. Если в точных науках предполагался обязательный запас научных знаний, то в области литературы, в области «поэтики и риторики», по мнению широких кругов, почти каждый пишущий стихи и поверхностно знакомый с риториками мог обращаться в университет и претендовать на место профессора. Поэтому одновременно с делами истинного конкурса в университетскую канцелярию поступали письма от самозванных адептов науки, создавая как бы вторую, маргинальную, историю конкурса. Рассмотренные нами дела «второго плана» во время конкурса на кафедру красноречия и поэзии позволяют установить ряд неизвестных биографических данных о И. Я. Быковском и семье друзей Ю. Словацкого — Голыньских¹³.

¹³ На основании данных из Центрального государственного исторического архива БССР («Алфавитные таблицы о помещичьих имениях и шляхетских околицах Белорусско-Могилевской губернии за 1810 год») о В. Голыньском можно сообщить еще следующее: в 1810 г. ему было 39 лет (значит, в упомянутый в характеристике иезуитский

Однако заинтересовать могут не только подробности конкурса «второго плана», но и детали основного дела о приглашении на должность профессора польской литературы Э. Словацкого. Об этой истории писали уже Ю. Белинский, С. Пигонь, Е. Люкас [26, 34, 32], но хронологически последовательного обзора всех известных из архивов фактов в научной литературе нет. Приведем поэтому их краткую сводку. 17/XI.1807 г. ректор Снядецкий пишет попечителю Чарторыскому о необходимости найти профессора, который одновременно преподавал бы латынь и польскую литературу. Этот проект затрагивал интересы Гроддека, который в случае его реализации остался бы только профессором греческого языка [34, стр. 102].

В январе 1808 г. Чарторыский пишет о несогласии передать латынь другому профессору, одновременно приветствуя поиски профессора польской литературы [20, 34, стр. 104]. Гроддек, узнав, что ректор обратил внимание на профессора красноречия Кременецкого лица Э. Словацкого как на возможного кандидата на кафедру, выступил с резкой критикой напечатанной в 1808 г. речи Словацкого [34, стр. 104], а также переслал (29 ноября 1808 г.) попечителю свои замечания с целью дисквалифицировать Э. Словацкого [32, стр. 61]. На 12-й сессии Совета университета Снядецкий выступил в защиту Словацкого и указал на необоснованность многих замечаний Гроддека [2]. Одновременно Снядецкий обратился к Т. Чацкому в Кременец с просьбой охарактеризовать Э. Словацкого. В письме от 5 октября 1808 г. Чацкий дал очень положительный отзыв и высказал опасение, что Снядецкий хочет пригласить Словацкого в университет, лишив Кременец хорошего преподавателя [22, л. 253—254]. В письме к Т. Чацкому от 20 декабря 1808 г. Снядецкий назвал выступление Гроддека сатирой и памфлетом [29, стр. 118]. Со своей стороны, он отметил в речи Словацкого только некоторые неудачные метафоры и выражения [29, стр. 119]. О том же писал Я. Снядецкий и Чарторыскому в письме от 16 декабря 1808 г. [18, стр. 464]. Вследствие сопротивления Гроддека решить вопрос о подборе профессора на кафедру красноречия и поэзии стало возможным только путем конкурса. Ректор сам написал программу конкурса (снова вызвав недовольство Гроддека), согласно которой главное внимание в сочинении должно было быть обращено на польскую литературу и язык [26, стр. 714]. (Текст конкурсной программы, помещенной

институт он поступил в 1781 году в десятилетнем возрасте и учился там до 17 лет), он владел 55 домами со 167 душами и 1240 десятинами земли, затем состояние его значительно увеличилось, и за ним значатся уже 181 дом, 671 душа и 10 060 десятин земли (ЦГИА БССР, ф. 2001, оп. 1, д. 17, л. 211, 235-об.). Естественно, что его сыновья во время путешествия по Востоку располагали большими средствами. Известно, например, что Стефан Гольнский при расставании с Ю. Словацким в Бейруте просил поэта взять у него в долг 2000 франков. (Словацкий отклонил это предложение.)

в периодической печати, сохранился также в виде отдельного оттиска в отделе рукописей ВГУ [1]. Кроме того, он воспроизведен в 3-м томе сочинений Яна Снядецкого [38, стр. 145—146].

В апреле 1809 г. университет пытается добиться от министра просвещения графа Петра Завадовского разрешения откладывать «положенное по штату на сию кафедру годовое жалованье» для будущего профессора, чтобы «поощрить к конкурсу людей с дарованиями», ибо «из приглашенных университетом [...] славных по своим сочинениям польских писателей многие отговорились другими должностями с местами их сопряженными», а также дороговизною и жалованьем только в 1500 р. [12, л. 34]. Министр своего согласия на это не дал [2].

Первый срок конкурса был назначен на 30 апреля 1810 года; до его истечения была получена только характеристика Голынского. Затем (15 июня 1810 г.) срок подачи сочинений был продлен до 1 января 1811 года, до его истечения поступили работы Быковского и анонима, а в декабре 1810 г. — сочинение Э. Словацкого¹⁴.

25 января состоялось заседание отделения под председательством ректора, в котором участвовали Гроддек, Голянский, Чернявский, Саундерс, а также приглашенные профессора Юндзилл, Андрей Снядецкий и Ходани [13, л. 34]. Гроддек прочитал свой отрицательный отзыв. Ректор предложил для голосования вопросы, связанные с требованиями конкурсной программы: 1. Написано ли сочинение правильно по-польски и соответствующим теме стилем. (Гроддеку при недостаточном знании польского языка трудно было, конечно, судить о грамматической и стилистической правильности текста). Ректор и приглашенные профессора ответили утвердительно. Гроддек и Голянский заявили, что сочинение написано посредственно, Чернявский и Саундерс воздержались от оценки, так как они не знали языка. 2. Отвечает ли сочинение требованиям, изложенным в программе. Положительный ответ

¹⁴ Ректор Я. Снядецкий, предвидя противодействие Гроддека, в случае, если бы совет университета целиком положился на решение отделения литературы, на заседании совета 1 января 1811 года предложил или организовать особый комитет для оценки присланного сочинения, или предложить некоторым членам совета принять участие в заседании отделения литературы. Принят был последний вариант, и три профессора (Юндзилл, Андрей Снядецкий и Ходани) должны были принять участие в заседании отделения [1, л. 59], которое состоялось 25 января 1811 года. Конечно, ни для Снядецкого, ни для Гроддека не было секретом, что автором присланной работы был Э. Словацкий, которого в 1808 году Гроддек резко критиковал, а Я. Снядецкий защищал, и о котором Я. Снядецкий вел переписку с Т. Чацким и А. Чарторыским. Снядецкий писал о Словацком также директору Вольнской гимназии Юзефу Чеху, желая, возможно, при его содействии склонить Словацкого к написанию конкурсной работы.

Задача, стоявшая перед Снядецким, заключалась в том, чтобы путем голосования на выборах заставить декана Гроддека принять негодную ему кандидатуру Словацкого. Обратимся к последовательному рассмотрению этапов борьбы Гроддека

был опять со стороны 4 членов совета во главе с ректором. Отрицательно высказались Гроддек, Голянский и Чернявский. 3. Имеются ли в сочинении какие-либо недочеты и упущения. Ректор отметил некоторые стилистические погрешности при переводе с французского, сам же текст похвалил как образец дидактического стиля. Андрей Снядецкий отметил высокое мастерство Э. Словацкого-поэта [13, л. 35—36].

Если обратиться к соответствующим пунктам конкурсной программы, легко можно увидеть, что при голосовании так сформулированных вопросов правы были, несомненно, ректор и приглашенные профессора. Ни один вопрос не заключал требования оценки научно-исследовательской глубины работы, т. к. программа предлагала дать только краткий очерк истории польской литературы. Поэтому даже обоснованные с точки зрения научности изложения критические замечания Гроддека в данном случае были неуместны. В программе было сказано: „... celu nie chybi, jeśli rzuci krótki rys historii dobrych pisarzy polskich. . .“ в работе даны краткие характеристики польских писателей и очерк истории польской литературы с делением ее на три периода. Программа требовала замечаний о польском языке — в работе этому были посвящены первые разделы. Программа требовала, чтобы сочинение было образцом дидактического стиля — работа была написана, по признанию большинства голосовавших, хорошим польским языком. Критические замечания Гроддека были направлены на мериторическую сторону: он осуждал автора работы за недостаточную глубину изложения материала. Эти упреки признавали обоснованными и Снядецкий, и Словацкий, но они указывали на слишком короткий срок, отведенный

с Я. Снядецкий. Как уже упоминалось, 29 ноября 1808 г. Гроддек переслал свою критику речи Словацкого Чарторыскому; в декабре 1808 г. на совете университета Я. Снядецкий выступил с защитой Э. Словацкого; в январе 1809 г. Гроддек, вновь избранный деканом, предложил, чтобы конкурс был перенесен на неопределенный срок [13, л. 17-об.—18]. Несмотря на это предложение декана, ректор принял решение о проведении конкурса, составил его программу и огласил ее 15 июня 1809 года. До истечения вторичного срока, 28 декабря 1810 года, поступило сочинение Э. Словацкого. Вскоре Я. Снядецкий направил Чарторыскому похвальный отзыв о присланной работе, в ответ на что попечитель в письме от 19 января 1811 г. иронически писал, что он очень рад, что автор конкурсного сочинения написал даже о том, чего не было в программе, но что от него ожидалось [15, л. 8]. 1 января 1811 г. совет университета решил переслать работу Э. Словацкого на рассмотрение отделения. 4 января на чрезвычайном заседании отделения было решено, что конкурсную работу будут последовательно читать профессоры: Голянский (8 и 9 января), Ходани (10—12 января), Чернявский (13—16 января), Андрей Снядецкий (17—20 января), Юндзилл (21—24 января) и что следующее заседание отделения состоится 25 января [13, л. 34-об.]. Из профессоров факультета лишь Саундерс совсем не читал работы и впоследствии при голосовании в отделении воздержался; тем не менее при голосовании в совете университета он поддержал Гроддека [1, л. 67]. Такое распределение чтения работы по дням позволило потом Гроддеку в письме к министру обвинить ряд членов совета, голосовавших за одобрение работы, в том, что они работы не читали.

на написание конкурсного сочинения. (Куратор Чарторьский не одобрял формулировку конкурсной программы; но был доволен, узнав о получении в университете хорошей конкурсной работы [31, стр. 435].)

На отделении было решено рекомендовать совету университета продолжить конкурс до 15 мая 1811 года и только в случае отсутствия более достойного кандидата признать работу Словацкого удовлетворяющей требованиям. 1 февраля на совете были зачитаны протокол заседания отделения от 25 января, а также два приложения: мнение Голянского о конкурсной работе и отзыв Гроддека. Голянский критиковал отдельные положения, например, взгляды Словацкого на историю польского языка (он не соглашался, что до XVI века язык находился на низком уровне развития), Гроддек — ее научную и методическую стороны [40, стр. 89—90]. Ректор, который не смог, хотя и председательствовал на заседании отделения, добиться решения об избрании профессора польской литературы, вынес это решение на совет. Декан Малевский указал на бесперспективность дальнейшего ожидания лучших кандидатов и на необходимость признать автора обсуждаемой работы достойным звания профессора. При голосовании на совете большинство высказалось против продления срока конкурса и за одобрение работы. Как указывает протокол совета, при вскрытии конверта «выяснилось имя автора» — Эвзевий Словацкий [1, л. 67—68-об.]. Окончательное утверждение избранного профессора могло совершиться лишь после получения согласия Словацкого (поэтому в документах часто значится, что Э. Словацкий был избран 1 марта 1811 года [16, л. 96])¹⁵.

¹⁵ 5 февраля 1811 г. Я. Снядецкий написал Словацкому письмо об одобрении его работы и обещал позже переслать о ней свои замечания [21, стр. 344]. Три дня спустя, 8 февраля, Я. Снядецкий сообщил об этом же Т. Чацкому. 17 февраля Словацкий в ответном письме благодарил за избрание, сообщал о своем согласии на переезд в Вильно и просил совета относительно построения и содержания будущего курса красноречия, излагая одновременно и свои соображения [41, стр. 18—20]. 1 марта на заседании совета ректор сообщил о согласии Словацкого. Голянский вновь выступил с критическими замечаниями по работе, но ректор объявил, что большинством голосов членов совета Словацкий избран [1, л. 74-об.]. 5 марта университет направил министру просвещения письмо с изложением истории конкурса и просьбой утвердить решение совета [10, л. 19 и след.].

Гроддек со своей стороны направил министру просвещения, минуя попечителя, жалобу на решение совета университета [26, стр. 714], за что Чарторьский осудил его в письме от 11/VI.1811 г. [40, стр. 89—90]. В результате поступившей жалобы министр воздержался от утверждения в марте кандидатуры Словацкого и затребовал разъяснений об обстоятельствах избрания [8, л. 33]. 10 марта Я. Снядецкий послал Чарторьскому свои замечания о работе Словацкого, сообщая в письме также об «интригах иностранцев» [18, стр. 805]. В письме от 15 марта Снядецкий сообщил Словацкому некоторые свои замечания о языке его конкурсного сочинения, обещая прислать более подробный анализ работы позже [24, л. 6]. Одновременно Снядецкий выслал письмо Т. Чацкому (15/III.1811), чтобы несколько смягчить гнев обиженного друга [24, л. 10]. 18 марта Я. Снядецкий опять написал Чарторьскому по поводу

27 апреля 1811 г. избрание Э. Словацкого, как сказано в формулярном списке, было утверждено министром просвещения. (По другому документу, Словацкий был утвержден 29 апреля [11, л. 3].) Дело об избрании тянулось 4 месяца со дня получения работы. Только в мае Я. Снядецкий смог дать ответ Словацкому (на письмо от 17 февраля), в котором, кроме сообщения об утверждении, заключались также советы и рекомендации: будущий профессор, по мнению ректора, основное внимание должен обратить на чистоту и правильность польской речи, на борьбу с местными диалектизмами в языке [24, л. 48]. 18 мая Словацкий ответил на это письмо.

Он сообщил, что в половине августа намерен приехать в Вильно, благодарил за замечания о языке конкурсного сочинения. В письме находим также план распределения 6 часов лекций: 2 часа в неделю он собирается посвятить последовательно следующим темам: происхождение языков, история польского языка, известнейшие польские писатели, 4 часа в неделю — поэтике и красноречию. 5 июня Чарторьский направил ректору пространное письмо (черновик — 17, л. 54; оригинал — 15, л. 15—17). В нем попечитель учебного округа, одобряя избрание Э. Словацкого, одновременно по поводу его конкурсной работы заключал следующее: 1) работа не содержит истории польской литературы; 2) теоретические рассуждения автора более удачны, чем те примеры, которыми он иллюстрирует свои положения; например, подбор стихотворений Кохановского не свидетельствует о большом вкусе автора; 3) при критике языка и стиля польской литературы XVII века автору следовало бы уделять больше внимания иллюстрации тезиса о необходимости логики, ибо стихотворения, звучащие для уха, а не для разума, не могут быть хорошими; 4) будущему профессору следует излагать классицистические принципы литературы; 5) в эсте-

конкурса, а также о гневе Чацкого в связи с уходом из лица Э. Словацкого [24, л. 10]. 8 апреля на сессии совета университета читалось письмо министра просвещения от 27 марта № 874, в котором он требовал объяснений в основном по следующим вопросам: 1) почему конкурс не был продлен до 15 мая, 2) почему университет выделил Словацкому на переезд 500 руб., тогда как иностранцы, приезжавшие из-за границы, получали меньше, 3) почему совет не дал высказаться Саундерсу и не заслушал замечаний Чернявского, 4) могли ли практически 14 членов совета прочесть с 28 декабря 1810 по 1 февраля 1811 г. работу Словацкого или же они голосовали за эту работу без предварительного с ней ознакомления. Совет, ссылаясь на протоколы предыдущих заседаний, ответил на эти вопросы. Относительно последнего в протоколе записано, что все 14 членов совета сочинение Словацкого читали и судили о нем самостоятельно [1, л. 94—95]. В тот же день — 8 апреля — Снядецкий написал Чарторьскому, что Гроддек обвинил весь университет в неправильном избрании Словацкого [18, стр. 817]. 12 апреля Снядецкий направил министру просвещения свои оправдания, объясняя обстоятельства конкурса и подчеркивая необходимость регулярных лекций по польской литературе.

тической оценке писателей лучше быть суровым, чем слишком снисходительным. В конце черновика¹⁶ Чарторьский отметил, что жалобы Гроддека частично обоснованы¹⁷.

Таким образом, только после продолжительной борьбы вновь избранный профессор Э. Словацкий 3 октября 1811 года начал чтение своего курса [14, л. 43]. Преподавать пришлось ему очень недолго — только 3 года, т. е. 1811/1812, 1812/1813, 1813/1814 гг. (Вдова его, прося о пенсии, срок службы в университете покойного мужа определила в 3 года 6 месяцев и 1 день, считая с 1 марта 1811 г. — со дня утверждения его кандидатуры советом университета, а срок службы в Волынской гимназии — в 3 года 7 месяцев и 12 дней [6, л. 2—3].)

В сентябре 1814 г. Словацкий уже не приступил к занятиям, а 29 октября 1814 г. (10 ноября по новому стилю) скончался.

В письме, адресованном отделению, в качестве своего заместителя на время болезни Словацкий предлагал Леона Боровского. Гроддек выдвинул кандидатуру Андрея Левицкого. Началось новое соперничество двух кандидатов, подробно описанное С. Пигонем [34, стр. 105—132].

ЛИТЕРАТУРА

1. ВГУ, ф. 2, КС—177.
2. ВГУ, ф. 2, КС—208.
3. ВГУ, ф. 2, КС—372.
4. ВГУ, ф. 2, КС—379.

¹⁶ В беловом варианте эти фрагменты находятся в письме от 8 июня [15, л. 19]. Кроме того, в письме от 19 июня попечитель еще добавил, что то, что Снядецкий сообщил ему об избрании Словацкого уже после окончательного решения совета и после представления кандидатуры министру, свидетельствует о неделикатности Снядецкого в отношении попечителя [15, л. 22]. Письмо министру было направлено 5 марта, а попечителю — 10 марта. Отголоски взаимных обид и недоразумений, связанных с этим конкурсом, слышим даже спустя 10 лет. Так, например, 15 октября 1821 года Я. Снядецкий, оправдываясь, писал Чарторьскому, сколько хлопот принесла ему жалоба Гроддека [19, стр. 165].

¹⁷ На это письмо Я. Снядецкий не ответил, и Чарторьский в письме от 10 января 1812 г. выразил по этому поводу удивление.

Борьба в университете между Я. Снядецким и Гроддеком продолжалась и после утверждения министром кандидатуры Э. Словацкого. 11 мая ректор снова председательствовал на заседании отделения литературы и изящных искусств, т. к. в связи с кончающимся 27 мая сроком полномочий Гроддека следовало провести выборы декана. Большинство в 1 голос вместо Гроддека деканом был избран Капелли. Гроддек и Чернявский выступили с протестом, указывая, что Капелли избран не абсолютным большинством голосов [14, л. 43], но все же совет утвердил Капелли, после чего, начиная с сентября нового 1811/1812 уч. года по ноябрь Гроддек не посещал заседаний отделения. Декан Капелли вынужден был потребовать, чтобы профессора давали письменные объяснения в случае отсутствия на заседании. Впервые Гроддек появился на заседании 7 декабря 1811 года [14, л. 50—51-об.].

После смерти Словацкого соперничество Гроддек—Снядецкий вспыхнуло с новой силой в связи с последующим конкурсом [34, стр. 106].

5. ЦГИА БССР, ф. 2001, оп. 1, № 17.
6. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 276, «Дело о смерти проф. Словацкого».
7. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 45.
8. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 112.
9. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 113.
10. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 117, «Исходящие бумаги Виленского университета».
11. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 397.
12. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 403.
13. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1113. *Xięgą posiedzeń oddziału literatury i sztuk pięknych sporządzona roku 1805—1817.*
14. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, 1118.
15. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 4, № 109.
- 15a. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 5, № 11.
- 15b. Archiwum im. Czartoryskich w Krakowie, Ew. 1831, zeszyt 34-a, Raporty roczne Uniwersytetu Wileńskiego, korespondencja H. Strojnowskiego.
16. Archiwum im. Czartoryskich, rękopis № 1860, IV.
17. Archiwum im. Czartoryskich, № 2081.
- 17a. Archiwum im. Czartoryskich, Ew. XVII, 2956.
18. Archiwum im. Czartoryskich, Ew. 3069.
19. Archiwum im. Czartoryskich, Ew. 3255.
20. Archiwum im. Czartoryskich, № 5449.
21. Baliński M. Pamiętniki o Janie Sniadeckim, t. 2, Wilno, 1865.
22. BAN (Kraków), rękopis № 2813, T. Czacki. Listy do Jana Sniadeckiego, kopia sporządzona przez L. Kamykowskiego.
23. BAN (Kraków) rękopis Nr 2814. List J. Sniadeckiego do Czecha (kopia L. Kamykowskiego).
24. BAN (Kraków), rękopis № 2815, Listy J. Sniadeckiego (kopie L. Kamykowskiego).
25. Bibliografia literatury polskiej („Nowy Korbut“), t. IV.
26. Bieliński J. Uniwersytet Wileński, t. 2, Kraków, 1899—1900.
27. Cywiński S. Skąd pochodzili Holyńscy, przyjaciele Słowackiego“, „Ruch Literacki“, Lwów, 1929, № 10.
28. Estreicher K. Bibliografia polska, t. XVIII, Kraków, 1901.
29. Gubrynowicz B. Z nieznaney korespondencji Jana Sniadeckiego z T. Czackim. Księga jubileuszowa [...] Uniwersytetu Wileńskiego, t. I, Wilno, 1929.
30. Jabłońska-Erdmanna Z. Oświecenie i romantyzm w stowarzyszeniach młodzieży Wileńskiej na początku XIX w., Wilno, 1931.
31. Kallenbach J. Kuratoria Wileńska (1803—1823), Warszawa, 1909.
32. Lukas E. Z dziejów katedry literatury polskiej na Uniwersytecie Wileńskim, „Alma Mater Vilnensis“, z. 7, Wilno, 1928.
33. Mikulski T. Życie Ignacego Bykowskiego [...] napisane przez niego samego w r. 1806 [...] T. Mikulski. Ze studiów nad Oświeceniem. Warszawa, 1956.
34. Pi-goń S. Historia jednego konkursu do katedry wymowy i poezji, [w:] S. Pi-goń. Z ogni w życia i literatury, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.
35. Polski Słownik Biograficzny, t. IX, zeszyt 43, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.
36. Skwarczyński Z. W szkole sentymentalizmu, „Tygodnik Wileński“ z 1804 r., Łódź, 1958.
37. Słownik geograficzny. ..., t. X, Warszawa, 1889.
38. Dzieła Jana Sniadeckiego, wydanie nowe M. Balińskiego, t. 3, Warszawa, 1839.
39. Szantyr A. Działalność naukowa G. E. Grodka. Wilno, 1935.

40. Węcl'a wski Z. Wiadomości o życiu i pismach G. Grodka, Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Ak. Umiejętności, t. 4, Kraków, 1876.

41. W kręgu bliskich poety. Listy rodziny Juliusza Słowackiego. Opracowali S. Małkowski i Z. Sudolski pod red. E. Sawrymowicza, Warszawa, 1960.

42. Załęski S. Jezuici w Polsce, t. V. cz. I, Kraków, 1905; t. IV, cz. IV.

43. Załęski S. Jezuici w Polsce, Kraków, 1908.

Ноябрь, 1970.

DAR KARTĄ APIE KONKURSAŲ I RETORIKOS IR POEZIJOS KATEDRĄ SENAJAME VILNIAUS UNIVERSITETE

(1809—1811)

A. KAUPUZA

Reziumė

Apie senajame Vilniaus universitete XIX amžiaus pradžioje rengtus konkursus kalbos meno (gražbylystės) ir poezijos katedroje vakuotinėms dėstytojų vietoms užimti saugomi dokumentai Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko universiteto rankraščių skyriuje, Lietuvos TSR Valstybiniam istoriniame archyve ir Krokuvoje esančiame Čartoryckio muziejuje. Jie smulkiau supažindina su konkursų istorija ir pateikia naujų žinių apie poetą Jaksą Bykowskį ir Vincentą Holyński. Pastarojo vardas žinomas lenkų literatūros istorijoje jų sūnų draugystės su žymiuoju lenkų poetu Julijušu Slovackiu dėka (Steponui Holyńskiui J. Slovackis paskyrė poemą „Angelli“, o Aleksandruil eilėraščių — „Laiškas Aleksandruil“ H.).

JESZCZE RAZ O KONKURSIE DO KATEDRY WYMOWY I POEZJI W STARYM UNIWERSYTECIE WILEŃSKIM

(1809—1811)

A. KAUPUZ

Streszczenie

Sledząc w szczegółach dzieje konkursu do katedry wymowy i poezji w starym Uniwersytecie Wileńskim można ustalić szereg dotychczas nieznanych faktów o życiu Wincentego Holyńskiego, ojca przyjaciół J. Słowackiego, oraz o działalności poety Ignacego Jaxy Bykowskiego, który nadesłał do uniwersytetu swoją rozprawę.